

P2
Б-66

АНДРЕЙ
БИТОВ



МУЗЫКАНСКИЙ
ДОМ

12
5-66

АНДРЕИ
БИТОВ



ПУШКИНСКИЙ
ДОМ

Роман



Москва

«СОВРЕМЕНИК»

1989

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

а-164332

ОТДЕЛЬНО О ДИККЕНСЕ

Бессемейный дядя Диккенс потому еще мог быть так легко необходим семейным Одоевцевым, что у него были, у одного, а с в о й дом...

Леве нравилось у дяди Диккенса. Нравилось, когда, усадив его на «козетку», сунув ему какую-нибудь «порнографию» для разглядывания, выходил дядя Диккенс на кухню заваривать чай-чифирок, и Лева оставался один. Это была комнатка, созданная для того, чтобы в детстве забираться в нее, тайком, через запрет. Именно как непозволенная в детстве книжка была квартирка дяди Диккенса.

Она и вся была забавна, выделенная из большой квартиры в отдельную («поделенная»), — так она была мала, так немного ей досталось от дележа так называемой «общей» площади (не входящей в ордер), и так в ней все было из того, что никак не могло поместиться, но было необходимо холостому джентльмену, каким и был дядя Диккенс. Так в ней все было и так не могло поместиться, что все как бы переехало, вытеснив друг друга: на месте ванной получилась кухонька, вместо «сортира» («туалет» — более неприличное слово, чем «сортир», — говаривал дядя Диккенс) — душ; оставшемуся последним унитазу — деться было некуда, и он встал в передней, под вешалкой (неизвестно, как дядя Диккенс уговорил техника-смотрителя, но он умел разговаривать с н и м и, его воле подчинялись с охотой). Так что, первое, что мы видели, входя, был унитаз, впрочем, необыкновенной белизны и изящества — та же, излюбленная дядей Диккенсом, линия «либерти» наблюдалась в его томных утренних изгибах. Кто сиживал на нем? — дядя Диккенс уверял, что «особы», а теперь он сам, по собственным словам, сиживал, завесившись старой, избитой молюю, барской шубой, доставшейся ему тоже по какому-то случаю — но мы никогда не заставляли его за этим занятием. Казалось, он вообще не отправлял никаких нужд: не спал, не ел, не что-нибудь еще. Он доходил в этом до крайности. «Не плюйся, когда чистишь зубы!» — наставлял однажды Леву. Сам он только пил и мылся. «Дядя Митя — чистюлюбив», — шутила мама.

Да и все у старого алкоголика отличалось невероятной чистотой осознанного эгоизма: пол был выскоблен по-деревенски, и дома дядя Диккенс хаживал часто босой. И когда Лева выразил однажды восхищение этой безупречностью, тот характерно поморщился и сказал: «Ты

просто не знаешь, что такое просыпаться по утрам...» И действительно, стоило застать хоть раз дядю Диккенса в первой половине дня, в седой щетине, расхаживающего босо по тесной своей квартирке, в белоснежных кальсонах и накинутом на плечи **оренбургском пуховом платке**, без конца пьющего чаек (он никогда не похмелялся и до вечера, до «восемнадцати ноль-ноль», не пил) и без конца приноживающегося: «А не кажется ли тебе, что здесь чем-то воняет?» — первое, что ты слышал, входя, — можно было бы и понять, что была для дяди Диккенса его чистота, хотя об окопах и бараках он никогда не говорил. Но вот уж чего он опасался зря — вони у него никогда не было. Это был своего рода эталон отсутствия вони. Лева был вынужден приноживаться только к себе.

Все было у дяди Диккенса — даже «камин» был. Собственно, не камин, а «буржуйка», очень, правда, ладная и толковая, которую он возил за собой чуть ли не всю последнюю войну. Потому что единственно, чего не мог привести дядя Диккенс в порядок и соответствие, были его сосуды. Ему постоянно не хватало воздуха, и он страшился вони — поэтому окна были настежь; и он всегда неправдоподобно дрогнул и зяб («Зяблик, — говорила мама, — дядя Диккенс — зяблик»), — поэтому гудел его «камин». По дому он ходил то босой, то в валенках. Помирить свои сосуды со средой он уже не мог никогда.

Так его и можно было застать по утрам в кабинете: босого, при открытом окне, в оренбургской пуховой шали и кальсонах, спиной к пылающему «камину», в руках отворенный том — толкового словаря Даля, или «Холодный дом», или «Война и мир», — и так он был хорош, так можно было его любить (он так этого не требовал), что Лева всегда по-детски казалось, что он читает другую «Войну и мир», чем все люди, не в том смысле, что по-своему ее прочитывает, а что действительно у него другая книга под названием «Война и мир», с другой тоже Наташей, другим Болконским, тоже Толстого, но другого Толстого... И это правда: не могла она быть той же самой.

Вообще все, связанное с дядей Митей, претерпевало для Левы неожиданное обновление... Даже то, что принадлежало всем людям, например история, — стоило подставить в нее дядю Митю — приобретало необыкновенный оптический эффект: Лева начинал это видеть, будто это и действительно было. Будто вокруг дяди Мити не тускнело — был он как серебро, опущенное в воду времени, — особую

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66